

Война научила нас ценить жизнь, дружбу и чувство локтя

мы не должны культивировать обиду

НЕ ТАК давно в Волгограде вышли в свет книги «Военнопленные в Сталинграде», «Сталинградский городской комитет обороны», содержащие архивные документы и материалы о Сталинградской битве.

■ Галина БЕЛОУСОВА

Инициатором, главным составителем и редактором этого, как и ряда предыдущих аналогичных изданий, связанных с историей Великой Отечественной войны, стал почетный гражданин города-героя Волгограда, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, директор научно-исследовательского института проблем экономической истории России XX века при Волгоградском государственном университете Максим Матвеевич ЗАГОРУЛЬКО.

Энергии Максима Матвеевича можно лишь позавидовать. Ему до всего есть дело, он успевает везде, и по его же инициативе мы открываем на страницах нашей газеты рубрику о том, как жили и как побеждали люди на фронтах Великой Отечественной, о том, как живут они теперь спустя 60 лет после тех трагических и одновременно героических лет. Вот и сегодняшний наш разговор с профессором — о прошлом и настоящем. О том, как важно сохранить память о Великой Отечественной войне. О том, какой ценой досталась нашей стране и всему миру Победа. И о том, как необ-

ходимо донести память обо всем этом до людей, которые живут на земле сегодня, и до тех, кто придет нам на смену завтра. Тема Максиму Матвеевичу близка уже потому, что сам он прошел дорогами войны и встретил две Победы — в Праге и Порт-Артуре:

— Я отношусь к поколению, которое вступило в войну прямо со школьной скамьи. Молодые, до конца не сформировавшиеся еще люди, мы были брошены в пекло, в котором и произошло становление нас как личностей. И если я сумел что-то сделать в своей жизни, то потому только, что всегда исповедовал дух того братства и тех нравственно-этических норм, которые были сформированы ситуацией, когда чувство локтя превыше всего и когда отвечать приходилось не только за себя, но и за тех, кто рядом с тобой. Потому что они, в свою очередь, отвечали за тебя и на тебя опирались. Не устоишь — в следующий раз в разведку тебя уже не возьмут и в бой с тобой не пойдут. С этими

настроениями и с этим характером мы пришли после войны в гражданскую жизнь, на работу и в вузы.

Я учился в группе, где все, кроме двоих ребят, были фронтовиками. В комнате общежития нас было 32 человека, от заместителя командира полка до рядового. На двоих одна тумбочка, и возле каждой кровати забит огромный персональный гвоздь, на который вешали мундиры. Моя выходная гимнастерка со всеми наградами висела, офицерский китель однокурсника с орденами. Но и здесь, как и на работе потом, витал тот же дух, те же нравственно-этические нормы и чувство ответственности, заложенные на фронте. Целое поколение рабочих, специалистов, ученых было замешано именно на этом.

— И это стало основой того, что называют иногда послевоенным экономическим чудом, за считанные годы вытаскившим нашу страну из разрухи?

— Я убежден в этом.

— Но ведь не должно каждое поколение проходить через войну, чтобы закалиться и обрести чувство ответственности?

— Нет, конечно. Мне просто глубоко жаль, что не у всех нынешних молодых людей есть это чувство, что поведение их определяют совсем иные нравственно-этические нормы и что то высокое, чем мы жили и за что сражались, не всегда сегодня востребовано. Не хочу сказать, что прежде у людей не было стремления лучше жить, но нравственная основа все же во многом была иной. Сейчас же только деньги, причем часто

любой ценой. Меня поражает то, как мало знает и как мало интересуется сегодня молодежь тем, что связано с историей Великой Отечественной войны. Между тем, есть один аспект, о котором никто забывать не должен. Каким бы стал мир, если бы мы не выиграли? Известно, что у гитлеровцев была установка: славянские нации свести к минимуму, а отдельные народы, начиная с цыган и евреев, полностью уничтожить. Люди, живущие сегодня на этом свете, должны знать, что многие из них жизнью своей обязаны тому, что была наша Победа.

Великая Отечественная война была великой трагедией, но одновременно и великим подвигом советских людей. История каждого человека, его судьба, как и история народа, не может не вызывать чувства гордости: в тяжелейших условиях люди совершали, казалось бы, невозможное. Наше поколение спасло человечество от коричневой чумы. И как океан состоит из капелек, так общество строится из отдельных личностей, каждая из которых неповторима, как неповторимы их жизнь и подвиг. Наш долг сегодня — рассказать о судьбах этих людей.

— Вы часто встречаетесь со своими однополчанами?

— Очень редко. Тесную связь поддерживаю только со своим командиром танка, который живет в Белгородской области. Так уж сложилось: жизнь меня подхватила и понесла, и времени всегда не хватало. Теперь жалею об этом, но в первые годы после войны все было сосредоточено на становлении и формировании самого себя. Сегодняшнему поколению трудно представить себе тот голод и ту

разруху. Надо было определяться в жизни, а войну хотелось просто забыть. Однозначно не могу даже объяснить почему. Видимо, потому, что с этим была связана слишком сильная гамма чувств как отрицательных, так и положительных. Это потом война стала предметом моего научного исследования, когда я стал уже кандидатом наук.

— Вы издали недавно книгу документов и писем немцев-военнопленных, бывших врагов. Можно ли сказать, что вы им полностью все простили?

— Это просто составная часть научной работы о войне. А война, как известно, состоит из множества компонентов, в числе которых есть плен. Я поставил перед собой цель — издать комплекс документов, из которых можно понять, что же произошло. А еще противопоставить плен в Советском Союзе тому плену, который был для солдат Советского Союза. Речь не о прощении, а об объективном показе. И хотя эмоции, конечно, присутствуют, это, прежде всего, чувство гордости за нас, наш народ и нашу систему, за то, что в тяжелейших условиях нравственности нашей власти, порядков, законов и действий оказалась гораздо выше, чем у врага. Я не исповедую всепрощения, я оцениваю события в том виде, в котором они происходили. Поступок совершен, он был таким, и другого не будет.

Как-то накануне юбилея Сталинградской Победы (я был тогда ректором пединститута) позвонил мне секретарь обкома партии Алексей Андреевич Небензя и попросил побеседовать с корреспондентом немецкого журнала

«Штерн». Начали говорить, а он все допытывается, почему в Волгограде нет памятника немецким солдатам? Они же, мол, погибли здесь. А с каких это пор, спрашиваю, бандитам надо ставить памятники? Значит, мой отец был бандитом, возмущается он. Конечно, если воевал здесь, отвечаю. А врагам и бандитам никто памятники не ставит.

Обиделся страшно, но попросил все же на Мамаев курган его отвести. Смотрю, одет немец в фуражку с ушками опускающимися, в ботиночки на тонкой подошве. Ну, думаю, прогуляю я тебя сейчас. А вслух говорю: поедем через полчаса, только распоряжения кое-какие отдам. И бегом домой. Нижнее белье теплее наден, носки шерстяные: на улице-то январь, ветер пронизывающий. Внешне ничем не изменился, но утепился основательно, чтобы не замерзнуть. Водителя только велел два стакана взять с собой и бутылку водки. Машину наверх отправили, сами с ним пошли по центральной лестнице. Пока он прошел ее, уже сосульки везде висят. Сели в машину, он слова сказать не может. Налил стакан водки: пей, говорю.

Он так ничего и не написал тогда. А летом жена была в институте повышения квалификации в Москве, я приехал в командировку, зашли мы с ней в ресторан «Националь» пообедать. Только сели — слышу, кричит кто-то на нечетком русском: «Максим!» Оглянулся — бежит немец мой, руку тянет. Спасибо, говорит, ты меня многому научил. Есть вещи, которые, может, и грубоваты на первый взгляд, и бьют прямо в лоб, но они обязательно доходят до человека. Прощения врагам нет и не может быть.

— Но мы сотрудничаем, общаемся, вы не так давно с немцами за одним столом сидели, о своей книге рассказывали.

— Просто мы не должны культивировать свою обиду. Я бы сказал так: есть понимание бессмысленности той бойни, но нет прощения за поступки, которые были совершены.

— Можно ли судить немцев, которые пришли когда-то в Сталинград не по своей воле?

— В том, что такие здесь были, сомнений нет. Но это уже другой

вопрос, и все равно я бы никаких прощений не просил и не принимал. Был факт, а факты, как известно, от времени не меняются. Другое дело, есть историческая оценка событий и поступков. Я могу спустя какое-то время раскаяться в том, что сделал или не сделал, но это лишь мое внутреннее ощущение, и никому от моего покаяния легче не станет. Да и что нам от того покаяния, если кто-то сознательно сломал жизнь и разрушил систему?

— Что, на ваш взгляд, должна сделать власть для ветеранов к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне?

— Не то и не так, что собирается делать сейчас. Хотя бы то, что сделали уже в Белоруссии пять лет назад, освободив их от оплаты всех коммунальных услуг. А еще — попытаться все же донести до будущих поколений ту нравственную основу людей, которые сражались, защитили и восстановили страну. Рассказать об их подвиге, о том, за что они воювали, о чем думали и чем жили все эти годы. А главное — не унижать!

«Волгоградская правда» №125 от 10 июня 2004 г. С. 3 а